

КАРНАВ

ЛЕГЕНДЫ
И ПРЕДАНИЯ

Сборник

Кавказ. Выпуск XXIV.

Легенды и предания

Редакция журнала "Эльбрус

2019

УДК 91(479)031
ББК 83.3(2Рос-Рус)

Сборник

Кавказ. Выпуск XXIV. Легенды и предания / Сборник —
Редакция журнала "Эльбрус, 2019

ISBN 978-5-93681-131-9

Легенды и предания рождены народами и живут на протяжении веков. Они подпитываются богатой и причудливой фантазией своих пересказчиков, обновляются духом иных времен, часто претендуя на историческую быль. По крайней мере до тех пор, пока не появились книги и профессиональные историки. Знакомясь с этим пластом устной народной культуры, нельзя не отметить, что создатели легенд и преданий воздают дань отваге, храбрости, находчивости, верности, щедрости, жертвенности героев во имя блага живущих рядом людей, воплощая, таким образом, идеалы собственного времени. Поэтому для понимания того или иного народа необходимо знакомство с его устным народным творчеством. Руководствуясь такой мыслью, издатели собрали под одной обложкой легенды и предания Кавказа, Кабарды и Балкарии, опубликованные в различных сборниках, преимущественно дореволюционных. В три раздела, вошедшие в данный сборник, вошли следующие труды. В первый, озаглавленный «Легенды Кавказа», включены легенды, ранее выходившие в одноименной книге, изданной в Нальчике в 1958 году. Ее авторы П. Акритас и Е. Стефанеева рассматривали означенное издание как попытку свести воедино разбросанные по разным источникам легенды, связанные с топонимикой Северного Кавказа. Во второй - «Кабардинские легенды» - литературные записи преданий, составившие знаменитый одноименный сборник Евгения Баранова. В нашем издании мы дополнили его рядом дореволюционных публикаций. В третий раздел - «Легенды Балкарии» - включены также дореволюционные публикации (Е. Баранов, Г. Малявкин и др.), выходившие в различных сборниках и отдельными изданиями. Ряд публикаций основаны на описании одного и того же героя или события, но составители посчитали нужным включить их в данное издание, видя в этом возможность дополнить литературную обработку подлинными народными преданиями, язык которых,

как пишет рецензент книги Е. Баранова, «отличается простотой, ясностью и силой, местами доходя прямо до библейской простоты, которая так обаятельно действует на людей». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 91(479)031

ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-93681-131-9

© Сборник, 2019

© Редакция журнала "Эльбрус, 2019

Содержание

Легенды Кавказа[1]	7
О Кабарде – храбром воине[2]	8
Как Кабард крымского хана перехитрил	11
Тайна Сарай-горы[6]	13
Золотой баран[8]	19
Озеро слез[11]	22
Гибель хуламского злодея[12]	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

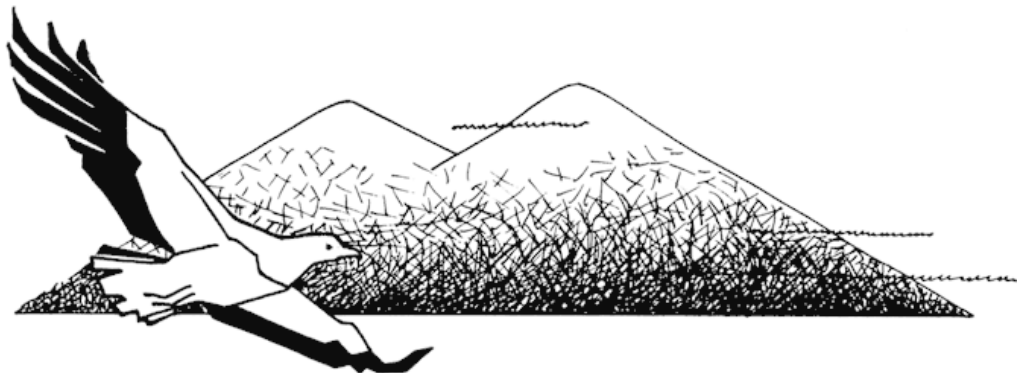
Кавказ. Выпуск XXIV. Легенды и предания

© Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2019

© М. и В. Котляровы, составление, 2019

© Ж. А. Шогенова, оформление, 2019

Легенды Кавказа¹

В книгу включено 27 легенд. При составлении сборника мы отбирали легенды, связанные с топонимикой, т. е. с географическими названиями Кабардино-Балкарии, Пятигорья и других мест Северного Кавказа. По сюжетам, по содержанию легенды эти очень разнообразны. Одни из них посвящены борьбе народа против иноземных захватчиков, в других разоблачается вероломство и жадность феодалов. Особое место занимают легенды об Эльбрусе и Казбеке – наивная, но очень поэтичная попытка объяснить по-своему происхождение Кавказских гор и минеральных источников.

Излюбленными героями национального фольклора являются, например, Кабард и герой многих сатирических сказаний Беслан.

Нередко легенды кончаются смертью героев, погибающих в борьбе за справедливость. Но даже в этих случаях они не теряют той светлой жизнерадостности, о которой говорил в свое время А. М. Горький: «Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это – хорошее свидетельство о здоровье народа».

Часть легенд мы записали сами. Нельзя не упомянуть здесь о большом и замечательном рассказчике легенд С. С. Прохорове, со слов которого записаны «Тайна Сарай-горы», «Озеро слез», «Гибель хуламского злодея», совершенно не известные до сего времени в фольклорной литературе. Непосредственно в селениях, от стариков-кабардинцев записаны легенды «Дань девушками», «Охота на арбе», «Змеиные дороги», «Борьба Машуко с князем», «О Кабарде – храбром воине», «Как Кабард крымского хана перехитрил».

В старых фольклорных записях встречаются сходные с нашими варианты.

В остальных легендах, которые мы приводим в своей литературной обработке, использованы записи М. И. Ермоленко, Л. Б. Леонидова, Л. Г. Лопатинского и других.

Нашу работу можно рассматривать как попытку свести воедино разбросанные по разным источникам легенды о происхождении географических названий Северного Кавказа.

П. Акритас, Е. Стефанеева

---

¹ Печатается по изданию: Акритас П., Стефанеева Е. Легенды Кавказа. Нальчик, 1958.

О Кабарде – храброе войнне²

Это было во время нашествия крымских ханов на землю адыгов³. Враги заплотонили адыгские аулы, бесчинствовали и издевались над жителями, как хотели.

Шли как-то по Шеджему⁴ Кабард и Асланбек. В одном дворе они увидели статную молодую женщину с корзиной в руках. Звали эту женщину Хацаца. Хацаца просеивала просо. Движения ее были красивыми, ловкими. Ветер играл ее платьем, шевелил волосы. Проходя мимо, Кабард сказал Асланбеку, но так громко, чтобы Хацаца слышала:

– Посмотри, как ловко она просеивает просо. Верно, она и крымчакам так же ловко угождает.

Хацаца услышала эти слова и покраснела от гнева. Она поставила корзину на землю, вышла на улицу, подошла к Кабарду и сказала гордо:

– Если все наши мужчины окажутся трусами вроде тебя, то горе нам будет. Сегодня враги насилуют бедных женщин, а завтра и вас всех перебьют. Ты способен только посмеяться над женщиной, а другого ничего делать не можешь.

Нехорошо стало на душе у Кабарда. Женщина ушла, а они с Асланбеком всё стояли на том же месте и головы от стыда поднять не смели. А потом побрели потихоньку, вышли в степь за аулом, сели на ближайшем кургане и задумалась.

Долго друзья сидели молча, потом Кабард встал, вынул кинжал из ножен и сказал, обратясь лицом к кургану:

– Клянусь прахом своих предков, что не брошу оружия до тех пор, пока родной край не освободится от врагов.

Вслед за Кабардом поклялся и Асланбек.

С этого дня Кабард и Асланбек начали ездить по окрестным аулам и поднимать адыгов на борьбу. К ним присоединялись и молодые джигиты, и старики – все, кто только в силах был держать в руках оружие. Люди изнемогали от ханских бесчинств и думали об одном: как бы скорее избавиться от насильников, прогнать их с родной земли. Ни один из адыгов не опозорил себя предательством, крымчаки ничего не узнали о тайных приготовлениях.

Битва произошла на реке Малке. Адыги застали врага врасплох, но ханские воины сопротивлялись отчаянно. Разгорелся жаркий бой.

Кабард разил врагов направо и налево. Увлеченный боем, он не заметил, как оказался один далеко от своих. На голове у Кабарда был стальной шлем, и быстроногий конь его был одет в броню.

Но здесь придется прервать наш рассказ, чтобы поведать историю шлема и коня Кабарда.

Однажды, задолго до этих событий, Кабард с Асланбеком отправились ни охоту и заехали далеко в степь. Здесь им повстречались семь вражеских всадников. Завязалась жестокая схватка. Силы были неравные. Кабард мог ускакать, но как оставить друга на верную гибель?

«Если судьба пошлет смерть, то пусть лучше нам обоим, чем одному Асланбеку», – решил Кабард.

Асланбек оборонялся от двух всадников, а остальные пять кинулись на Кабарда. Силы друзей истощались. Кабард убил двоих вражеских воинов, но трое еще бились вовсю, а сам он уже истекал кровью. Асланбек же, отбиваясь отчаянно, сломал саблю. Враги гнались за ним с обнаженными саблями, и джигит надеялся теперь только на быстроту своего коня.

---

² Записаны в 1955 году в селении Хамидие Кабардино-Балкарской АССР со слов Г. А. Тарханова. Кабард – герой многих широко распространенных в кабардинском фольклоре легенд и преданий. Нельзя, конечно, рассматривать эту легенду как исторически достоверное объяснение происхождения названия «Кабарда».

³ Шеджем – Чегем.

⁴ Адыги (адыге) – старинное название кабардинцев. Сами кабардинцы и сейчас называют себя адыге.

Вдруг откуда-то из-за кустов выскочили еще три всадника и бросились на помощь Асланбеку. Это были казаки. Увидя русских, вражеские воины, гнавшиеся за Асланбеком, повернули в сторону и ускакали, порастеряв от страха сабли.

Асланбеку казалось, что он остался в живых каким-то чудом. Он не знал, кто такие эти три всадника, и не понимал, почему ханские люди так их испугались.

А казаки тем временем поспешили на помощь Кабарду, которому приходилось уже совсем трудно. Не успели враги опомниться, как голова одного из них отлетела в сторону, и конь помчался по полю, унося на спине обезглавленного всадника. Двое других поторопились обратиться восвояси.

Казаки перевязали раны Кабарда и Асланбека, сняли с убитых оружие и передали его джигитам, а коней поймали и забрали себе. После этого казаки попрощались с джигитами и хотели уже ехать домой, но Кабард задержал их и пригласил к себе в гости. Русские согласились.

Три дня в доме Кабарда шел веселый пир, и все старики аула приходили распить с дорогими гостями чашу махсымы⁵, поблагодарить за спасение джигитов.

На прощанье адыги подарили казакам свои лучшие сабли, а русские надели на голову Кабарда стальной шлем. Кабард и старший из казаков поменялись конями.

И теперь русский шлем оберегал его от вражеских стрел, а русский конь выносил из битвы невредимым.

...Кабард скакал с быстротой ветра, увлекая врагов за собой.

Трое всадников увязались за отважным джигитом. Он замедлил ход коня и, как только враги приблизились, сразу остановил его. Все трое нашли себе гибель под меткими ударами сабли Кабарда.

В это время к месту боя подоспели еще пятеро людей хана. Туго пришлось джигиту, но ему помог его ученый конь. Пока Кабард сражался с двумя вражескими воинами, третий подскочил с другой стороны и уже занес было над головой джигита саблю. Но верный конь схватил врага за руку, так что сабля выпала, а сам он поспешил удрать. Другого вражеского всадника конь выбил из седла копытами.

Кабард и Асланбек сражались храбро, и другие адыги не уступали им в отваге. Скоро почти все крымчаки были перебиты.

Аул за аулом освобождался от войск крымского хана. Со всех сторон стекались к Кабарду вооруженные всадники, и имя его наводило на врагов ужас. Лишь немногим удалось добраться до Крыма и принести домой тяжелую весть о бесславной гибели ханских полчищ.

Народ собрался на торжество в честь победы у подножия горы Кунатыги. В знак особого почета старейшины преподнесли Кабарду батребж – золотой кубок.

Подняв кубок над головой, Кабард заговорил громко, чтоб его слышали все:

– Этот кубок по праву принадлежит не мне, его достойна получить Хацаца. Гордыми словами упрека она разбудила в нас мужской стыд и заставила выполнить наш долг перед народом. Ей обязаны мы победой.

Кабард смотрел повсюду, ища глазами Хацацу. Но народу вокруг было несметное множество, толпа людей густо усеяла весь склон Кунатыги до самой вершины, и он не мог ее увидеть.

И тогда Кабард закричал:

– Хацаца, если ты здесь, выходи, тебя хочет видеть народ!

Хацаца была здесь. Она стояла в праздничном одеянии, стыдливо зарумянившаяся от похвал, но не трогалась с места. Тогда подружки почти силою вывели ее из толпы и поставили перед старейшинами.

Старейшины встали и приветствовали умную женщину.

---

⁵ *Махсыма* – хмельной кабардинский напиток, делается из проса.

Хацаца поклонилась народу, а потом подошла к Кабарду и сказала:

– Слава тебе, храбрый воин. Ты выгнал врага из наших аулов. Пусть же земля наша зовется отныне твоим именем.

С тех пор край наш зовется Кабарда, а народ, живущий по берегам Чегема, Баксана и Малки, – кабардинцами.

Как Кабард крымского хана перехитрил

(Из сказов о кабарде)

Откуда пришел к нам Кабард – никто не знает: одни говорят – с Терека, другие – с Кубани. Он появился на Баксане в те времена, когда здесь хозяйничал крымский хан. Вместе с ним прибыло около сотни всадников.

Кабард со своими людьми не раз вступал в стычки с крымскими воинами и всегда одерживал верх, даже если врагов было в несколько раз больше. Молва о его непобедимости шла по всем адыгским аулам.

Узнав о храбром Кабарде, хан пожелал на него посмотреть и передал с посланным: пусть, мол, приезжает. При этом дал клятву, что и пальцем не тронет ни самого Кабарда, ни его товарищей.

Кабард приехал вместе со своими всадниками. Хан принял их ласково. Пораженный статностью и могучей осанкой воина, он предложил ему вступить в свою охрану и пообещал большое жалованье.

Кабард согласился: у него были при этом свои цели.

Хан подружился с Кабардом и заставлял его всюду себя сопровождать.

В это время как раз умерла у хана жена. Он объехал в поисках новой жены всё свое ханство и адыгские аулы по Малке, Баксану и Шеджему, но нигде не нашел девушки, которая бы ему понравилась.

Огорченный, хан возвращался ни с чем, как вдруг недалеко от Баксанского ущелья увидел одну красавицу. Она шла вместе с другими женщинами, легко неся на плечах кувшин с водой.

– Вот та, которую я искал! – воскликнул хан.

Кабард не подал виду, как сильно задела его эти слова, и ответил спокойно:

– Эта красавица – моя жена. Но раз она понравилась тебе, хан, я готов уступить. Только пусть она сама скажет, что согласна.

Хан стал просить, чтобы Кабард уговорил жену.

Кабард пришел домой и сказал жене:

– Тебя видел хан, и ты так понравилась ему, что он пожелал взять тебя в жены. И я дал согласие.

– Как? – закричала женщина в слезах. – Разве ты не любишь меня больше, что позволяешь надругаться над моей честью?

– Люблю, – ответил Кабард. – Знаю, трудно будет тебе. Но прошу, не противься. Сделай вид, что он тебе понравился. Этим ты поможешь скорее освободить нашу землю.

Жена Кабарда долго молчала.

– Ну, что ж, – сказала она потом, – если так, то придется мне согласиться.

Обрадовался хан, узнав о согласии женщины, и сказал Кабарду:

– Проси в обмен всё, чего хочешь.

Кабард ответил:

– О хан, мне не надо никаких ценностей. Дай мне столько земли, сколько охватит шкура одного вола, и пусть без моего ведома никто не ступает на эту землю.

Хан удивился скромности просьбы и, ничего не подозревая, согласился.

Кабард же велел своим людям зарезать самого большого быка, снял с него шкуру, растянул ее и высушил. А потом разрезал эту шкуру на тончайшие нити, пришел к хану и сказал:

– Вот шкура вола. Я возьму себе столько земли, сколько можно обмерять этими нитями.

Понял хан, что Кабард оказался хитрее его, но теперь уже не мог взять назад свое слово. К Кабарду отошли все селения от Малки до Шеджема и дальше. Хан объявил своим подчиненным, чтобы никто из них под страхом смерти не ступал без ведома Кабарда на землю, подаренную ему ханом.

Свадьбу хана с женой Кабарда праздновали с большой пышностью по всем татарским и адыгским обычаям. Празднества продолжались две недели.

В первую же брачную ночь новая жена сказала хану, что по адыгским обычаям не может принадлежать ему в течение трех месяцев. Хан согласился и на это.

А между тем Кабард на своей земле, куда люди хана и носа сунуть не могли, собирал против врагов большие силы.

Третий месяц подходил к концу. Хан решил выехать с молодой женой в Крым и пожить там в свое удовольствие.

В это время и Кабард закончил все приготовления. Момент был самый подходящий. Когда ханский поезд вышел из Баксанского ущелья и повернул в сторону Малки, адыги неожиданно напали на него со всех сторон.

Битва закончилась быстро. Вражеские воины и опомниться не успели, как были все перебиты. Был убит и хан.

Так вся земля от Пятагорья до Терека освободилась от ханских полчищ.

С тех пор она и получила название – Кабарда.

Тайна Сарай-горы⁶

Ясные летние дни из Нальчика открывается на редкость красивая, величественная панорама. На юге, закрывая всю эту часть горизонта, протянулась трехъярусная горная цепь. Самый нижний ярус составляют так называемые Черные горы, поросшие густыми лиственными лесами.

Кудрявые, темно-зеленые, они, близко примыкая друг к другу, охватывают город тесным полукольцом. Отсюда, видимо, и произошло название «Налшык». Над ними громоздятся розовато-серые массивы безлесных Скалистых гор. А еще выше над этими каменными утесами выглядывают там и здесь зубчатые изломы заснеженных вершин Бокового Кавказского хребта.

В центре Черных гор выделяется несколько необычными формами одна: чуть выше соседних, совершенно плоская, как стол, она заканчивается с правой стороны кругленьким бугорком. Это и есть Сарай-гора.

От Нальчика до Сарай-горы примерно двадцать километров. Сначала дорога тянется полями, затем вступает в горы. Путник долго кружит по извилистым тропинкам в зарослях фундука (орешника), а затем преодолевает довольно крутой подъем. Но вот все трудности пути остались позади, тропа идет по гребню горы. Она очень узкая, справа и слева – обрывы. Здесь – царство бука. Высокие, в три обхвата, деревья сплелись своими кронами, образуя сплошной зеленый навес, непроницаемый для солнечных лучей. Воздух прохладный, пахнет сыростью.

Неожиданно лес расступается, открывая прячущуюся в нем поляну. Душистая, по пояс человеку трава, розовые альпийские ромашки, дикие лиловые ирисы с нежными, прихотливо изогнутыми лепестками.

Это конечная цель пути: горизонтальная открытая площадка обрывается так резко, что кажется, она висит над пропастью. Если подойти к самому краю поляны, то увидишь немного ниже выступ: это тот самый бугорок, который виден из Нальчика, с правой стороны от плоского «стола» Сарай-горы.

Приятно провести на Сарай-горе июльский день, когда внизу, в городе, жарко и душно. Хорошо остаться на ночлег, поужинав у костра пахнущей дымом кашей или картошкой, сваренной прямо «в мундире», а потом подняться на рассвете, предупредив восход солнца, полюбоваться замечательным видом на горы, особенно прекрасные при смягченном утреннем освещении.

Но страшно путнику, которого застигнет здесь южная летняя гроза. Самым неробким людям, закаленным в горных походах, привыкшим и к зною, и к холодным выюгам, в такие моменты становится не по себе. Буря раскачивает вековые чинары, словно тоненькие былинки, и синие молнии, обрушиваясь с разгневанных небес, так и чертят землю, грозят смертью, как отточенные клинки кавказских шашек.

Народное предание говорит: если во время грозы лечь на траву у края поляны над тем самым приметным бугорком и приложить ухо к земле, то отчетливо услышишь злобные стоны. Будто кто-то, терзаемый нестерпимой мукой, рвется и рвется на поверхность из глубины недр и скрежещет зубами в яростном бессилии пробить земную толщу.

Какую же тайну хранит в себе Сарай-гора? Старинная легенда рассказывает:

– Давно это было, очень давно. Жил тогда в этих краях князь Индрис, известный своим жестоким нравом, захвативший себе все земли, лежащие вокруг. Тысячи крестьян принадлежали Индрису, зависели от него в своей жизни и смерти.

Лишь один небольшой аул по какой-то счастливой случайности оставался свободным. Укрывшийся в лесу, высоко в горах, куда в те времена не было никакой дороги, он казался

---

⁶ Записана в 1956 году со слов С. С. Прохорова. В фольклорной литературе легенда неизвестна.

недоступным, да и мало заманчивым: ни земли для пашни, ни лугов для пастбищ – всё лес да скалы. Небогато жили люди в этом ауле, но зато спокойно, не зная княжеского гнета.

На краю аула стояла сакля старого Хашира. Хашир и его жена были бедны, но счастливы: их жизнь озаряла ласковым светом единственная дочь Аслижан. Красива была Аслижан! Когда она шла по лесу, то навстречу ей и солнце светило ярче, и ручьи журчали веселее, и птицы пели звонкими голосами. Деревья протягивали к ней ветви, покрытые молодыми, зелеными листьями, а у ног ее расцветали пышные цветы. Звери не трогали Аслижан, а народ любил чудесную девушку, как весну, как надежду. Если у кого-нибудь случалось несчастье, то стоило лишь прийти к Аслижан, увидеть ее улыбку, услышать голос, как горе рассеивалось без следа, подобно утреннему туману. И всякая боль становилась легче, рана заживала быстрее – стоило человеку дотронуться до руки или края одежды Аслижан.

Однажды девушка, проводив отца в лес рубить дрова, возвращалась обратно, напевая песню. Вдруг она услышала трубные звуки: это князь Индрис со своими слугами выехал на охоту. Неожиданно путь Аслижан пересек всадник на взмыленной лошади – княжеский слуга Мурид, посланный господином на поиски звериных следов. Увидя девушку, он так и замер на месте, пораженный ее красотой, но Аслижан прошла мимо равнодушно и гордо: она почуяла в нем недоброго человека.

...Князь был не в духе. Рассерженный неудачной охотой, он сидел на ковре, нахмутив мохнатые сросшиеся брови. Слуги, застывшие в безмолвии, дрожали под свирепым взглядом Индриса, зная: не сдобровать тому, на кого в такую минуту падет безудержный гнев властелина.

– Ну, что, – встретил князь вопросом вернувшегося всадника, – напал на следы?

– Нет, князь, – ответил Мурид, – звери словно вымерли, и признаков их не видно.

В глазах Индриса засверкало бешенство. Он готов уже был обрушить на голову, неудачливого слуги удары плети, но Мурид, припав к ногам князя и изгибаясь, как лиса, заговорил вкрадчивым голосом:

– Не гневайся, господин, я не нашел звериных следов, зато я видел другое, что уладит твою душу.

И рассказал о встрече с чудесной девушкой.

Индрис был сластолюбив. Не раз в тех местах пропадали девушки и молодые женщины, которых подлые княжеские слуги воровали для своего ненасытного господина.

Князь ехал назад, не убив ни одного зверя, но думал не о своей неудаче, а о девушке, про которую ему рассказал Мурид.

В тот же день в лес около аула спустился с гор один молодой джигит, никому здесь не известный. Взгляд его, прямой и светлый, говорил о смелом, открытом нраве, о том, что юноша явился сюда с честными намерениями.

Вдруг он увидел Аслижан, стоявшую под вековым дубом. Красота девушки словно ослепила его. Джигит устремился вперед, но в этот момент конь упал, угодив передней ногой в яму, прикрытую сверху прошлогодними листьями. При падении с коня всадник повредил себе руку.

Аслижан поспешила на помощь и, увидев рану на руке неизвестного, перевязала ее своим шарфом. Нежное прикосновение девичьих пальцев заставило юношу забыть о сильной боли, и он смотрел на Аслижан с улыбкой.

– Кто ты, – спросила девушка, – и как тебя зовут?

– Асланбек, – ответил джигит. – Мой народ живет вон за теми дальними горами. Меня прислали сюда выбрать место для выпаса скота. Но не думай, что мы хотим нагрязнуть войной. Мои земляки – такие же мирные крестьяне, как и вы.

– Желаю удачи, – сказала Аслижан и, попрощавшись, уже хотела идти своей дорогой, но Асланбек остановил ее:

– Скажи мне, красавица, а далеко ли до аула?

Аслижан показала юноше дорогу.

Когда над горами спустился вечер, Асланбек въехал в аул, спешил и вошел в саклю Хашира. Старик приветливо встретил молодого гостя и пригласил к очагу разделить с ним нехитрый ужин. Потекла неторопливая беседа об урожае, о пастбищах, о кознях ненавистного князя. Аслижан и мать, стоя в сторонке, слушали беседу мужчин.

Вдруг в ночной тишине раздался конский топот. В саклю ворвался князь Индрис. Аслижан отступила в угол.

– Эй, старик, – крикнул он властно, – отдай мне свою дочь!

Хашир вздрогнул, но промолчал.

– Добром прошу, не силой, – сказал Индрис. – Я женюсь на ней.

– Нет, – твердо ответил Хашир, – моя дочь не пара тебе. Для чего нужна богатому князю бедная девушка? Поищи лучше себе знатную княжну.

– А, старый пес, ты еще смеешь возражать! – закричал князь и ударил Хашира плеткой по лицу.

В этот миг он почувствовал, что его локоть сжала чья-то крепкая, как железо, рука. Обернулся и встретил горящий взгляд молодого джигита.

– В этой сакле зверствовать нельзя, – сказал Асланбек.

Разъяренный Индрис снова взмахнул было плетью, но молодой смельчак одним ударом опрокинул его на глиняный пол.

Индрис медленно поднялся. Стыд и злоба душили его.

– Ну, подожди же, ты у меня поплатишься, – прошипел он, покидая хижину.

– А ты, красавица, все равно будешь моя! – пригрозил он с порога Аслижан...

– Горе нам! – воскликнули старики, когда конский топот замолк вдали.

Ночь прошла в тревоге, никто в бедной сакле на краю аула так и не ложился спать.

Наутро Асланбек стал собираться в дальний путь. Грустно было на сердце у молодого джигита: не хотелось покидать полюбившуюся девушку, которой грозила опасность, но оставаться здесь дольше он не мог: его с нетерпением ожидал родной народ.

Асланбек уехал.

А вскоре в аул нагрянул князь со своими бейголями.

Индрис сидел на коне, гордо подбоченясь. Мохнатые брови его были насуплены, а налитые кровью глаза смотрели на крестьян с высокомерием и злостью.

Князь объявил, что отныне включает аул в свои владения и крестьяне должны проложить дорогу от аула к замку.

Бедняки стояли не шевелясь, и ни один из них не смотрел в лицо Индрису.

Помолчав, князь заговорил снова:

– Сами-то вы, – сказал он, – мне не особенно нужны. От ваших скал и лесов немного проку. Я согласен оставить вас в покое, но для этого отдайте мне Аслижан.

И снова наступило молчание. Крестьяне стояли так же неподвижно, и ни один из них не смотрел на Индриса.

– А, собаки, молчите! – вскричал Индрис, и глаза его налились кровью пуще прежнего. – Ну, как хотите, даю вам срок три дня.

С этими словами он хлестнул коня и повернул прочь, а за ним поскакали его бейголи⁷.

Уже давно замолк стук копыт вдалеке, а крестьяне все стояли, опустив головы, и угрюмо смотрели в землю.

– Что ж, старики, – промолвил наконец Хашир, и голос его дрожал. – Ваша воля – закон для меня. Решайте.

Нашлись слабовольные, которые стали уговаривать старика отдать дочь князю, но таких было немного. А большинство судило иначе:

---

⁷ Бейголи – княжеские стражники, телохранители.

– Как остаться нам без нашей Аслижан? Нет, не отдадим девушку на поруганье!
И когда истек срок, крестьяне послали к князю гонца сказать одно слово: нет!

Тревожной была эта ночь в ауле, бросившем дерзкий вызов всесильному князю. И мрачные тучи на небе, и дикие порывы ветра в горах, и протяжный вой волков в лесу – все как будто предвещало беду.

Наступил день. И вот налетели остервенелые хищники. Бейголи Индриса врывались в саки незащищенных жителей, били плетью и немощных стариков, и маленьких детей, хватали все, что попало.

Ворвались в хижину Хашира, все в ней перевернули вверх дном, старика и старуху избили до полусмерти, а Аслижан закрутили в бурку, связали, бросили, как тюк, на коня и умчались со своей добычей обратно.

По дороге в замок решили отдохнуть. Остановились в лесу, разожгли костер и начали жарить награбленных баранов.

Между тем Асланбек вернулся домой, но предчувствие беды не оставляло его. На третий день он оседлал коня и поехал туда, где встретил в первый раз Аслижан.

Недалеко от аула спешился, пустил коня на траву, а сам прилег под дерево и задремал. И вдруг ему послышалось, будто Аслижан зовет его; «Асланбек, Асланбек!»

Быстро поднялся юноша на ноги. «Так и есть, – подумал он, – что-то случилось». И конь, словно поняв своего хозяина, помчал дальше.

В одном месте Асланбек заметил траву, смятую лошадиными копытами, и поехал по следу. И вот перед ним открылась картина: костер, у костра бейголи Индриса объедаются жирным шашлыком, а в сторонке лежит связанная Аслижан.

Вскипел гневом славный джигит и, выхватив саблю, кинулся на злодеев. Половину порубил, а остальные в страхе усаkali.

Асланбек развязал Аслижан, усадил на коня впереди себя и повез обратно в аул.

А тем временем Индрис, посрамленный случившимся, замыслил страшную месть и вновь собрал своих людей.

Едут злодеи по лесу, а на небе собираются тучи, трава в лесу никнет и цветы вянут под ногами лошадей. Умолкли птицы, и ручьи не журчат, как обычно: все вокруг печалится, чуя беду.

Индрис ехал впереди, как вдруг конь его жалобно заржал и остановился. Навстречу князю из лесу вышла сторбленная старуха с косматыми волосами. Сквозь жалкие отрепья одежды виднелись следы синяков и царапин.

– Здравствуй, Индрис, – сказала старуха, – я давно тебя ждала.

– Кто ты? – закричал князь, объятый ужасом. – Человек или ведьма?

– О Индрис, – ответила старуха, – тебе понравилась Аслижан, ты задумал погубить непорочную девушку. Знай же, и я была красива, как она, и пела по утрам звонкие песни. А такой, как сейчас, сделал меня твой отец. И с тех пор я не человек, не зверь. Будь же проклят весь твой род, Индрис, и ты вместе с ним!

– Повесить ее! – приказал взбешенный князь.

– Что ж, Индрис, убей меня, – сказала старуха, – жизни мне не жалко, она мне теперь всё равно ни к чему, но знай: тебя ждет страшная кара.

Подлые бейголи схватили старуху и стали выкручивать ей руки и пытаться жестокими пытками. Но несчастная не произнесла больше ни слова. Лишь в самый последний момент она промолвила, тяжело дыша:

– Страшны мои муки, но твои, Индрис, будут страшнее. Будешь ты мучиться вечно, не зная смерти.

При этих словах Индрис задрожал в ужасе, а несчастная старуха закрыла глаза и испустила последний вздох.

Небо потемнело, ветер поднялся в лесу, словно вся природа оплакивала смерть замученной старухи.

А на поляне на Сарай-горе, недалеко от аула сидел Асланбек один и думал: как поступить? как избавить земляков Аслижан от княжеской мести?

Услышав крики и конский топот, юноша выехал навстречу. При виде своего врага Индрис пришел в дикую ярость. И завязалась тут жестокая сеча. Один за другим падали княжеские бейголи, не в силах совладать с храбрым джигитом, наносившим смертельные удары. Многих из своих уже не досчитывался Индрис.

Тогда он решил пойти на хитрость: приказал незаметно для Асланбека расстелить на траве сеть. Конь джигита споткнулся и упал, а вместе с ним скатился на землю и всадник. Князь подбежал к юноше и, не дав ему опомниться, с торжествующим хохотом вонзил кинжал в грудь Асланбека по самую рукоятку. Алая кровь окрасила зеленую траву.

А князь, упоенный победой, ринулся в аул, ворвался со своими бейголями в саклю Хашира. Стариков жестоко избили, а красавицу Аслижан Индрис схватил, посадил в седло и привез на поляну.

– Вот, смотри, – сказал он с довольной улыбкой, твоему Асланбеку пришел конец. Теперь тебе остается одно: покориться.

Аслижан вырвалась из рук князя и упала на грудь любимого. А потом подняла голову и запела. И эта песня не была похожа на те, что пела девушка раньше, – ласковые и нежные. Нет, теперь в ее голосе слышалась грозная сила.

Князя обуял смертельный страх. Он хотел бежать, но ноги его были прикованы к месту. Вдруг откуда-то из глубины раздался оглушительный грохот и закачались вершины гор. Земля под ногами Индриса разверзлась и увлекла злодея в бездну. Когда трещина сомкнулась, на том месте, где стоял князь, не оказалось никого. Трусливые бейголи Индриса побросали оружие и бежали без оглядки кто куда.

Крестьяне же вырыли на краю поляны могилу и с почестями опустили в нее тело Асланбека. Рыдали женщины, дети, и слезы текли по морщинистым лицам стариков. Горы подернулись облаками, трава вмиг пожелтела, как поздней осенью, и лес зашумел сердито, угрюмо. Природа вместе с людьми оплакивала гибель славного героя.

Когда Асланбека похоронили, Аслижан вышла на середину поляны, поклонилась низко своим землякам и сказала:

– А теперь прощайте, я не могу больше оставаться с вами. Не зовите меня – я не вернусь. Но не бойтесь: никто не посмеет вас обидеть.

И с этими словами ушла в лес. Она шла с высоко поднятой головой, и никто не осмелился окликнуть ее, остановить.

После того жители аула больше не видели Аслижан. Куда она исчезла, – осталось тайной.

Одно известно: долго еще после гибели Индриса аул оставался свободным. Повсюду в округе крестьяне гнули спины на господ, а сюда, на гору, князя и носа не показывали, их пугала участь Индриса.

И люди говорили:

– Это наша Аслижан охраняет нас. Видно, она где-то недалеко.

С тех пор прошло много лет, и давно умерли свидетели описанных здесь событий, но каждый год, лишь только пригреет в горах летнее солнце, на могиле Асланбека расцветают маки, алые, как капли его горячей крови, а дорожка, по которой ушла в последний раз Аслижан, покрывается розовыми ромашками и лиловыми ирисами.

Когда же разбухнет южная летняя гроза и синие молнии на Сарай-горе чертят землю, как отточенные клинки кавказских шашек, из глубины недр доносятся протяжные стоны. Это Индрис, обреченный на вечную муку, рвется на поверхность и скрежещет зубами в яростном бессилии пробить земную толщу.

Свершилось проклятие старухи.

Золотой баран⁸ (Из легенд о Голубом озере)

Случилось это в те далекие времена, когда кабардинские аулы по берегам Черека встречались редко и были мало населены. Недалеко от Голубого озера находились пастбища, куда пригоняли овец жители Аушигера. Тут же стояли и коши чабанов. Чабаны жили дружно, словно одна семья: вместо готовили себе пищу, вместе ели, вместе спали.

Среди них был молодой кабардинец по имени Махорыша⁹ – высокий, плечистый, сильный. Товарищи любили юношу за веселый, общительный характер, ум и ловкость.

Молодой чабан зорко охранял овец. Он мог на лету поразить стрелой хищного орла и голыми руками придушить горло волку, охочему до свежей ягнятины.

Махорыша был не такой, как другие чабаны. Ему хотелось все знать, обо всем выспрашивал он стариков: отчего зимой деревья теряют листья и земля одевается снежным покровом? И куда прячется солнце к ночи, когда на небо всходит луна? И какие люди живут вон за теми высокими горами?

Старики рассказывали, как умели, а многого и сами объяснить не могли. А иные даже качали головой:

– Ты хочешь узнать то, чего ни один адыге не знает. Ох, не приведет это к добру.

Махорыша любил охоту и каждый день уходил в лес. А к обеду приносил на кош сумку, полную дичи.

Шел однажды чабан мимо озера.

– Жарко что-то, дай отдохну!

Солнышко разморило охотника, и он заснул. Проснулся – солнце уже опустилось над горами низко-низко, а потом бросило на землю последний луч и скрылось совсем. Вокруг сразу потемнело, деревья стали почти черными, лишь озеро оставалось таким же синим, словно светящимся изнутри. Махорыша стал пристально вглядываться в воду и заметил: в глубине вспыхивают время от времени желтоватые огоньки. Мелькнут и погаснут, и опять мелькнут.

«Что там такое? – задал себе охотник вопрос. – И почему люди боятся купаться в озере? Говорят: утащит. А кто утащит? Все леса и горы исходил, а что там, под водою, не знаю».

Сколько раз с товарищами пригонял сюда овец – и никогда такие мысли не приходили Махорыше в голову. А теперь он не мог оторвать глаз от озера, не мог думать ни о чем другом. Вернулся охотник на кош только поздним вечером с пустой сумкой. И с тех пор каждый день стал возвращаться поздно, и друзья не находили дичи в его сумке.

– Что с тобой, Махорыша? – спрашивали чабаны. – Не повстречал ли ты где черную ведьму?

Махорыша молчал. Никому не открывал он своей тайны и по-прежнему пропадал где-то целыми днями. Даже овец своих забросил, и за ними присматривали другие.

Рано утром чабаны гнали овец к озеру на водопой. На обратном пути Махорыша отставал от отары и возвращался обратно. Придет к озеру – и сидит, и глядит на его синее зеркало, как зачарованный.

А один раз решился и нырнул. Плавал, плавал, стараясь достать дно, – ничего не вышло: вода сама вытолкнула его обратно.

---

⁸ В основу положена фольклорная запись М. И. Ермоленко.

⁹ Махорыша – мужское имя. Можно перевести так: «Тот, кто все делает днем».

– Ну, врешь, меня не испугаешь, – сказал Махорыша с досадой, – я так легко не отступлюсь. – И продолжал ходить к озеру и окунался в него. Все дальше плавает, все глубже ныряет, а до дна не достанет: вода выталкивает его наверх.

Тогда Махорыша придумал другое: привязал к поясу камень и нырнул. Долго опускался он вниз, уходил под воду глубже и глубже. Вода всей тяжестью навалилась на него сверху, а дна всё не было.

– Не возвращусь назад, пока не коснусь ногами дна, – решил Махорыша. – А если его нет, пойду в бездну, но узнаю, что там такое.

И продолжал опускаться дальше, пока не ощутил под ногами твердую почву. Вот оно, дно!

Отвязал камень, осмотрелся вокруг – и удивился: такой же аул, как Аушигер наверху, так же скот по улицам бродит, куры в навозе роются. Только людей не видеть.

Подошел к одной глиняной сакле, заглянул в окошко и видит: сидит там ведьма, черная как уголь. Хотел спрятаться, да поздно. Ведьма заметила Махорышу, выскочила из сакли и закричала:

– А, проклятый! Это ты каждый день не даешь мне покоя, всё ныряешь, озеро волнуешь, дно ищешь? А теперь и сюда пришел? Берегись же! Я, Шереджана¹⁰, хозяйка Голубого озера, уничтожу тебя!

Махорыша кинулся бежать. Бежит, что есть мочи, а черная ведьма следом гонится, вот-вот схватит. Длинные цепкие пальцы почти касаются плеч юноши, и горячее дыхание Шереджаны обжигает затылок. Но он напрягает последние силы и бежит, бежит. И замечает, что дно озера постепенно поднимается вверх. Вот впереди посветлело. Еще секунда, Махорыша делает большой прыжок и теряет сознание...

...А чабаны в тот вечер долго сидели у костра, поджидая друга. Мясо в котле давно сварилось и остыло, а охотник не возвращался. Никто так и не притронулся к ужину.

– Знать, беда стряслась с нашим Махорышей, – сказал один старик. – Так поздно он еще никогда не приходил.

– Пойдемте искать его, – предложил другой.

И чабаны отправились на поиски. Пришли к озеру, видят: лежит на берегу одежда, а самого Махорыши нет нигде.

– Погиб, – сказал один из чабанов.

– Утонул, – заметил другой.

Вдруг вода заволновалась и из озера вынырнул Махорыша, бросился на берег и тут же упал без чувств. Бледное лицо и посиневшие губы делали его похожим на мертвеца. Чабаны испугались.

– Понесем его на кош.

Подняли Махорышу, отнесли на кош, положили на баранью шкуру.

Тело юноши было безжизненным, но сердце билось, друзья возились с ним до тех пор, пока не привели в чувство.

Очнувшись, Махорыша увидел себя в кругу своих, и ему стало стыдно, что он до сих пор всё скрывал от них. И тут же поведал чабанам, что случилось с тех пор, как он присел в первый раз у озера отдохнуть.

Чабаны накормили Махорышу ужином, а потом долго сидели вместе, вели беседу, пели песни.

А наутро, как обычно, погнали овец на водопой. Озеро было тихое и спокойное, и вода в нем казалась синим зеркалом. Подошли овцы к берегу, напились. Вдруг из глубины выплыл красивый баран невиданных размеров. Рога и шерсть у него были из чистого золота и так и

---

¹⁰ Шереджана – мать Черка.

переливались на солнце. Баран приплыл к берегу, присоединился к отаре и пошел, окруженный овцами. Чабаны удивились, но барана не тронули.

Приближался вечер, с гор потянуло ветерком. Отары улеглись. Расположились на ночлег и чабаны. Упадет луч от огня на золотого барана – и вся шерсть как жар.

– Вот так баран, – переговаривались между собой чабаны. – Посмотрим, что дальше будет.

Коротка летняя ночь. Утро наступило быстро. Пора и на водопой!

И снова чабаны погнали отару к озеру. Лишь только овцы подошли к берегу, золотой баран выдвинулся вперед и, разбежавшись, кинулся в воду. И, как будто по сигналу, в тот же миг овцы стали бросаться вслед за бараном, исчезая одна за другой в холодных волнах.

Смотрят чабаны – и глазам своим не верят. Заметались в разные стороны, стараясь спасти отару, но овцы, как бешеные, кидались в озеро, давя друг друга, и тонули. Так вся отара ушла под воду.

Долго чабаны стояли на берегу и в отчаянии смотрели на озеро, в котором погребено было теперь всё богатство аула. А оно снова было спокойное, гладкое, как синее зеркало. Но сколько ни ждали бедняги, ни одна овца не вернулась обратно.

С тех пор иногда, в самые тихие безветренные дни, можно видеть: вода в Голубом озере вдруг забурлит, забурлит – и на поверхности его появляются какие-то темные пятна, похожие на клочья шерсти. Говорят, это злая Шереджана стрижет овец, уведенных когда-то у друзей Махорыши.

Озеро слез¹¹

(Из легенд о Голубом озере)

Посмотри на озеро днем, когда вода его синее, как весенние лесные цветы. Посмотри на озеро ночью, когда в нем отражаются звезды, словно золотые огоньки. Оно всегда тихое, всегда прекрасное. Но это не обычное озеро: в глубине его хранится тайна. Ты думаешь, это вода? Нет, это не вода, это слезы. Да, слезы!

Послушай, что рассказывают старые люди. Случилось это так давно, что даже имен тех людей никто не запомнил.

В те времена, о которых пойдет наш рассказ, горы были еще вольными, и жители здешних мест, не знавшие над собой власти богатеев, мирно пасли свои стада.

В одном ауле в горах жил пастух – молодой, красивый, настоящий джигит. У него был меткий глаз и сильная рука. Еще ни один дикий зверь не уташил у него ягненка или телка; пастух зорко охранял стада.

И жила в ауле девушка-красавица, каких больше не сыщешь в горах, с черными косами до пят, с румянцем нежным, как снежные вершины на заре, с глазами синими, как весенние лесные цветы.

Девушка жила с отцом и матерью и славилась как замечательная мастерица: никто не умел свалить бурку, сделать папаху, сшить черкеску, чухачи или ноговицы лучше, чем она, никто из женщин не мог придумать красивее узора для шитья золотой нитью. Даже старики и старухи приходили к ней поучиться мастерству.

Многие юноши льнули к девушке, но сердце ее было отдано пастуху.

Мирно жил народ среди вольных гор, не зная над собой власти богатеев.

Но потом откуда-то пришел в эти места князь и построил себе замок рядом с аулом. Сначала он жил в ладу с простыми людьми и даже помогал им. Народ в этих краях не знал обмана и верил пришельцу.

Но князь тайл свои замыслы. Он захватил себе лучшие земли и стал отнимать у жителей коров и овец, которые забирались на его пастбища. А к тем, кто пытался протестовать, применял грубую силу.

Так впервые люди вольных гор узнали жестокость и насилие.

Однажды князь увидел на молодом пастухе шапку, черкеску и ноговицы, расшитые узорами. Таких красивых ему самому еще не случалось носить.

– Хороша у тебя одежда, – сказал князь с завистью, – такую впору только князю носить. Кто же все это сшил тебе?

У пастуха была бесхитростная душа, не знавшая коварства, и он сказал князю, кто эта искусная мастерица.

Князь приехал в аул и попросил одного из жителей показать ему девушку. Он был поражен ее красотой. Нечистые мысли закрались в его голову.

– Надо быстрее забрать к себе красавицу, – решил князь. И послал к ней своих бейголей с приказанием: чтоб явилась сейчас же.

Девушка не привыкла подчиняться чьей-либо воле, кроме воли родителей, и не пошла. Тогда князь приказал привести ее насильно.

---

¹¹ Записана со слов С. С. Прохорова. В фольклорной литературе до сего времени легенда была неизвестна. Голубое озеро, о котором идет речь в легендах «Золотой баран» и «Озеро слез», находится в Черекском ущелье, в верховьях реки Черек. Вода в нем в любую погоду бывает темно-голубого цвета. Глубина озера – свыше 250 метров, дно – воронкообразное, температура воды в самую жаркую погоду очень низкая, поэтому купаться в нем нельзя. Это, видимо, и окружило озеро ореолом таинственности, породившей настоящие легенды.

Бейголи выполнили приказ: схватили ее, силой притащили в замок и заперли в башню.

Сидя в башне одна, девушка с тревогой думала о своей дальнейшей судьбе. Вдруг она увидела пастуха, который гнал мимо башни стадо баранов, продела сквозь решетку руку и бросила вниз белый платок.

Пастух поднял голову и увидел в окошке любимую. Лицо его сделалось чернее тучи.

До сих пор он знал, что мужчины в ауле относятся к женщинам с уважением, да и друг друга не обижают, и никогда не встречал такой подлости. Он привык говорить с людьми прямо и честно, а потому и на этот раз вошел во двор и потребовал разговора с князем.

Князь встретил пастуха с кривой усмешкой:

– Что тебе понадобилось в замке?

– Князь, – сказал пастух, – зачем тебе девушка? Ее ждут дома старики-родители. Это моя невеста.

– Можешь попрощаться со своей невестой, – захохотал князь в ответ, – теперь она моя. Я здесь хозяин. Что хочу, то и делаю.

Пастух распрямил могучие плечи.

– Не бывать злодейству. Не освободишь добром – будешь иметь дело со мной.

Князь созвал слуг и велел им выбросить вон дерзкого простолюдина. Но, сильный и ловкий, пастух раскидал в стороны княжеских прихвостней, трусливых, как шакалы.

– Отпусти ее! – с гневом закричал он, наступая на князя.

Князь струсил.

– Чего ты так рассердился? Ведь я только пошутил, – заговорил он притворно-ласковым голосом.

А сам подумал: «Погоди же ты у меня! И от тебя отделаюсь, и невесту твою заберу».

Девушку выпустили из башни и свели вниз. Увидя пастуха, она бросилась к нему с радостью. Оба шли в аул довольные, веселые, а вслед им из окна замка смотрели злые глаза князя.

И опять для влюбленных настали счастливые дни. Пастух пас свои стада, девушка шила, работала по дому, ухаживала за стариками-родителями. Вот, думали они, высушим сено, заготовим корм для скота, а к осени и свадьбу справим.

Но не так думал князь, замысливший злодейское дело: уничтожить пастуха и завладеть красавицей. Он велел своим бейголям следить за ними.

Наступила осень. Короче стали дни, холодно было в горах. Пастух уже не гонял стада далеко, а пас их возле аула.

Однажды девушка пришла на свиданье к любимому. Они стояли над обрывом и мечтали, как после свадьбы заживут своим домом.

Вдруг пастуху послышался сзади шорох. Оглянулся – и видит: за деревьями притаились княжеские бейголи. Юноша загородил собою девушку и спрашивает:

– Что вы здесь ищете?

– Мы пришли посмотреть, не запустил ли ты скотину на землю князя.

– Неправду вы говорите.

Бейголи стали окружать пастуха. Он велел девушке спрятаться за камень, а сам начал обороняться. Но пока сражался с одними, другие незаметно подкрались сзади, схватили его за руки и связали. А потом начали насмехаться злорадно:

– Так, значит, ты не хочешь подчиняться?

Пастух молчал и думал об одном: только бы не нашли его любимую за камнем.

Злодеи подняли пастуха, раскачали его и бросили с обрыва вниз.

Раздался отчаянный крик. Из-за камня выбежала испуганная девушка, бросилась к обрыву и увидела далеко внизу окровавленный труп любимого.

Бейголи хотели схватить красавицу, но отступили в страхе: девушка, неподвижная от горя, на их глазах стала превращаться в камень, а из глаз ее потекли слезы. Они текли долго,

пока глубокая чаша в Земле не наполнилась до краев вровень с обрывом. Так из слез девушки, синих, как ее глаза, похожие на весенние лесные цветы, образовалось озеро.

А сама она окаменела и превратилась в утес, застывший над озером в вечной печали.

С тех пор князь и княжеские бейголи боялись посещать это место: им казалось, что утес раздавит их, а озеро заманит в свою глубину и утопит.

Но однажды в горах разразилась гроза небывалой силы. Всю ночь лил страшный дождь, сверкали молнии, и буря раскачивала не только деревья, но и вершины гор. А наутро жители аула, выйдя из своих домов, не нашли замка на его обычном месте: он исчез вместе с князем и княжескими бейголями. И поняли люди: это девушка наказала злодея за смерть пастуха.

Когда по утрам солнце встает из-за гор, оно бросает первый луч на одинокий утес, и утес начинает розоветь, а потом розовеет и озеро. Утес отражается в чистых волнах, всматривается в них, словно ищет кого-то, и в тихом шелесте слабого утреннего ветерка слышится как будто нежный голос девушки, которая зовет пастуха, шепчет ему о своей вечной любви.

Но не приходит пастух, и тогда утес чернеет, над ним собираются тучи, сверкают молнии, и в озеро вновь льются голубые слезы: это девушка оплакивает любимого, загубленного княжескими бейголями.

Гибель хуламского злодея¹²

Мы ехали вверх по течению реки Черек. Там, где дорога разветвляется надвое, подвода свернула вправо и вскоре въехала в Хуламо-Безенгийское ущелье.

Начинало темнеть. Ущелье постепенно затягивалось туманом. Очертания гор принимали в сумерках формы каких-то сказочных, невиданных зверей. Местность вокруг казалась в этот предвечерний час удивительно мрачной, угрюмой.

Мы добрались до теснины, где скалы, близко придвинувшись друг к другу, низко нависают над головой путника. Внезапно подул холодный, пронизывающий ветер, и завывания его отдавались по ущелью зловещим эхом. И, хотя лошади устали, возница, нахлестывая, погнал их вскачь. По его озирающимся взглядам было заметно, что место это внушало ему непреодолимый страх. Так мы проскакали километра три. Ущелье расширилось, ветер стих, и старик стал сдерживать разгоряченных лошадей. Наконец, мы приехали к чабанам, пасшим здесь колхозные отары, и могли дать отдых лошадям и себе.

Уже поздней сядя у костра, я спросил своего спутника:

– Тазрет! Чего ты испугался там, в теснине? Почему так гнал лошадей?

Тазрет ответил не сразу. Он смотрел на огонь и молчал, погруженный в свои думы, словно какие-то далекие картины проходили перед его глазами.

– Нехорошее это место, – наконец молвил старик.

– Отчего нехорошее? Что ты знаешь о нем? – спросил я.

– Ну, коли хочешь, слушай.

И Тазрет начал свой рассказ.

– Мне рассказывал отец. А ему тоже, когда он мальчонкой был, отец говорил... Ты слышал, когда мы проезжали там, стоны? Будто мужчина плачет, горько плачет? Эти стоны всегда слышатся в теснине по вечерам и ночью.

Я подумал, что, кроме завываний ветра, ничего не слышал, но не стал возражать Тазрету.

Старик продолжал:

– Если бы темнота не застигла нас в пути, ты увидел бы на скалах развалины старинного замка, а немного выше – башни. Когда-то они принадлежали одному богатому князю – Бзагноко¹³. Жаден был Бзагноко и властолюбив и жестоко угнетал людей, живущих на его землях. А тех, кто пытался поднять голос против, ждала тяжелая расплата; князь никому не давал спуска.

От замка глубоко вниз было прокопано подземелье, проходившее под рекою. Кроме владельца замка да двух-трех самых близких слуг его, никто о том не знал. Княжеские слуги хватали всех непокорных, спускали в подземелье и подвергали мучительным пыткам. Стоны несчастных не достигали поверхности земли. Там они и умирали, и напрасно родные старались их разыскать.

И была у этого бесчувственного злодея дочь Салтанат – красивая, добрая девушка. Князь, давно похоронивший свою жену, поселил дочь отдельно, в верхней башне, чтобы никто не мешал ему в замке вершить его темные дела.

В народе говорили, что Бзагноко, не терпевший ослушания, сам погубил свою жену, и до княжны доходили эти слухи. Знала она и о кровавых набегах отца на земли подвластных ему крестьян и соседних племен, и это ее очень печалило.

---

¹² Записана со слов С. С. Прохорова. Легенда также до сих пор никем не была записана. Речь идет о Хуламо-Безенгийском ущелье, населенном балкарцами.

¹³ Бзагноко – мужское имя. Можно перевести как «сын зла».

Князь же думал только о том, как увеличить свои табуны и накопить побольше богатства, а о дочери заботился мало, хотя и считал, что любит ее.

Так и росла она без ласки, без приветов. А когда стала взрослой, женихи, боясь злого нрава нелюдимого князя, не решались посылать отцу Салтанат сватов.

Княжна любила петь. По утрам она открывала окно в своей башне и пела песни, которые сочиняла сама. И если минувшей ночью он совершал какое-нибудь новое злодеяние, песни дочери становились очень грустными. Хмурил брови тогда Бзагноко, чуя в этом горький упрек.

А далеко за горами Безенгийского ущелья жило одно племя, подчинявшееся власти только старшего в роде – мудрого седовласого старика Тмышы. Жили те люди свободно, но бедно: земля вокруг лежала плохая, нечем было ни себя, ни скот прокормить.

Собрались однажды старейшины на совет.

– Сколько будем мы еще голодать? – сказал один. – Скот гибнет. Дети не знают вкуса молока и мяса.

– Слышал я, – промолвил другой, – о земле на берегу моря. Там богатые пастбища, привольные степи, много воды. Далеко отсюда, вон за теми горами, лежит эта земля.

– Нельзя дальше так жить, – заговорили старейшины, – надо идти к морю. Там будем мы пасти свои стада.

– А как мы дойдем до моря? – спросил один старик. – Как доведем женщин, детей, как перегоним скот? Путь через горы далек и неведом. Опасно идти так, можем погибнуть.

– Надо сначала кого-нибудь из молодых послать на разведку, промолвил другой.

И взоры стариков обратились к Тмышу. И понял Тмыш, каких слов ждут от него старейшины.

Был у Тмышы сын – смелый, сильный джигит. Аслан¹⁴ крепко любил отца и мать и весь свой народ. Юноша делил с людьми горе и бедность и каждому готов был помочь, чем мог. Люди любили его за ласку, за доброту.

Тмыш велел позвать сына. Аслан вошел, широкоплечий, с огненным открытым взглядом, и поклонился старейшинам.

Внимательно выслушал он всё, что говорили ему отец и старики, и сказал:

– Я готов. Сила моя, сердце мое – всё для народа. Пойду искать путь к морю. Если найду, то вернусь и поведу вас туда. Если погибну, то за мой народ.

Отец подошел, обнял сына и сказал:

– Верю, Аслан. Ты никогда не говорил мне неправды. Тебя будут ждать все: старики, женщины, дети. Ты должен найти этот богатый край. Иди и выбери себе коня, который сможет перенести трудный путь.

Наутро юноша покинул родные места. Все люди вышли проводить его в дальнюю дорогу, прощались, как с сыном, как с братом. Конь под Асланом был резвый, выносливый, и всадник легко поднялся в гору, потом скрылся в облаках, окутавших перевал густой пеленой.

Путь его пролегал по ущелью. Когда Аслан проезжал мимо замка, ветер донес до него грустную девичью песню. Сначала он не мог понять, откуда слышится этот нежный голос, но потом поднял голову и увидел в окне одинокой башни, возвышающейся над замком, прекрасную девушку. Юноша остановил коня и так и замер на месте, любясь неизвестной красавицей. Княжна посмотрела вниз и увидела на дороге молодого джигита. Песня ее оборвалась, и девушка тоже смотрела на юношу, не отрывая глаз.

В это время из ворот замка вышел горбун. Это был самый близкий к князю человек, злой, мстительный. Звали его Пита. Пита помогал владельцу замка в его ночных злодеяниях, мучил в подземелье несчастных, ни в чем не повинных людей.

Увидев джигита, горбун закричал:

---

¹⁴ Аслан – мужское имя. В переводе – «лев».

– Что тебе надобно здесь? Проваливай-ка лучше подальше, иначе попадешь к князю. Он тебе покажет, как засматриваться на девушек!

Юноша с удивлением посмотрел на горбуна, лицо которого дышало злобой. Очарованный красотой девушки, он не хотел спорить, а только сказал спокойно:

– Уйди. Не мешай.

– Ах так! – вскричал взбешенный Пита и хотел хлестнуть юношу плеткой. Но Аслан схватил конец плетки и поднял ее вверх вместе с горбуном. Пита повис в воздухе, дрыгая кривыми ногами, а потом упал на землю.

Салтанат вскрикнула: она знала, сколько злости скрыто в проклятом горбуне, знала, что Пита не прощает оскорблений. Когда джигит снова поднял голову, окно уже захлопнулось, девушка скрылась.

Горбун побежал в замок и поднял шум.

А князь всю ночь перед этим предавался пьяному разгулу. В такие минуты он был страшен; жажда злодейства просыпалась в нем, и люди в замке боялись попадаться ему на глаза, страшась несправедливой расправы. Сейчас, когда Бзагноко вышел на крик горбуна, глаза были налиты кровью, а ноздри трепетали, как у хищника.

Услышав о дерзком поступке неизвестного, князь пришел в ярость и велел схватить всадника. Вслед за горбуном княжеские слуги выскочили из ворот и набросились на джигита, хотели спутать его веревками. Но юноша сильными ударами свалил их с ног, а потом хлестнул и усакал.

Бзагноко в бешенстве наблюдал за происходившим из окна замка.

Как это? Один простолюдин оказался сильнее лучших его слуг! Он вызвал самых отчаянных своих головорезов, отличавшихся жестокостью в набегах, и велел немедленно догнать непокорного джигита и притащить в замок.

Юноша увидел верховых, скачущих наперерез ему по другой тропинке. Их подстрекал дикими выкриками горбун. Всадники приблизились. Конь Аслана встал на дыбы. Меткими ударами джигит уложил нескольких человек на месте. Другие отстали сами, боясь за свою жизнь. Конь пустился вскачь по ущелью, унося на спине смелого всадника. Он неся, как ветер, только искры сыпались из-под копыт. Людям Бзагноко пришлось прекратить погоню.

Скоро Аслан миновал ущелье и выехал на равнину. Конь шел теперь спокойным шагом, и юноша ехал, погруженный в мысли о девушке, спрашивая себя: кто она, и почему такая печаль звучала в ее песне?

Дав отдых коню, Аслан поехал дальше. Ехал он очень долго. Семь раз день сменялся ночью и ночь – днем, и только тогда, наконец, впереди засинело море. Аслан увидел на берегу привольно раскинувшийся аул. Люди в этих краях жили еще свободно, не знали притеснения богатых: обрабатывали поля, пасли свои стада и табуны.

Юношу встретили приветливо, предложили ужин и ночлег, расспросили, кто он и откуда приехал. Аслан рассказал, что послан своим народом отыскать новые земли у моря.

У старейшины этого рода была дочь, красивая девушка. Она все засматривалась украдкой на юношу. Отец понял, что приезжий пришелся ей по сердцу, и старался под разными предлогами подольше задержать Аслана у себя.

День шел за днем. Однажды джигит пошел посмотреть на своего коня и увидел, что тот вполне отдохнул.

«Я тут сыт, а народ мой голодает», – подумал юноша и спросил у коня, похлопывая его по шее:

– Готов ли ты в путь, мой верный друг?

Конь ответил ему ласковым ржанием.

– Ну, пора мне собираться обратно, – сказал Аслан, войдя в дом старейшины. – Поеду домой и приведу мой народ на эти земли. Пусть они поселятся рядом с вами.

Дочь старейшины услышала эти слова, и глаза ее наполнились слезами.

– Оставайся у нас, – сказал ему отец девушки. – Сыном мне будешь. Вот моя дочь полюбила тебя. Сыграем свадьбу, а потом поедешь домой.

Юноша не привык лгать и потому ответил:

– Спасибо. Твоя дочь достойна того, чтобы лучший из джигитов отдал за нее жизнь. Но я не могу на ней жениться. Я видел в ущелье одну девушку и слышал песню, которую она пела. Голос ее звучал грустью. Я знаю, она несчастна, и эта мысль не дает мне покоя.

И джигит стал седлать коня. Его вышли провожать мужчины, женщины, дети. На прощанье желали счастливого пути и быстрого возвращения сюда, к морю, вместе со своим народом.

С тяжелыми думами на сердце подъезжал Аслан к Хуламо-Безенгийскому ущелью. Что делается сейчас там, дома? Как его отец и мать? И кто эта неизвестная девушка? Как бы ее повидать? Печаль всадника передалась его верному коню, и тот невесело переставлял ноги, понунив голову.

Но вот и ущелье. Джигит приближался к замку. Вон уже видны впереди темные зубцы верхней башни. Вон и знакомое окно, а в окне – девушка. Юноша забыл про усталость, печали и устремил на нее взгляд. А грустная песня Салтанат сменилась веселой. Обоим казалось, что и солнце засветило ярче, звонче запели горные ручьи, даже ущелье теперь не казалось таким угрюмым.

– Кто ты? – спросил Аслан, но не услышал ответа: на сторожевых башнях заметили появление всадника и подняли тревогу. Вzbешенный князь снова созвал всю стражу и «приказал поймать неизвестного джигита.

Но сделать это было нелегко. Юноша оборонялся бесстрашно, и много княжеских слуг полегло под копытами его коня. А одного он поднял к себе на седло и спросил:

– Скажи, кто эта девушка, что живет вон в той верхней башне? Скажешь – отпущу, не скажешь – брошу на землю.

Задрожав от страха, слуга ответил:

– Это дочь нашего князя.

Верный данному слову, юноша отпустил его.

Видя, что вся стража не может ничего поделать с одним всадником, горбун предложил князю пойти на хитрость: перегородить впереди узкую часть ущелья решеткой, закрыть всаднику дорогу. А сзади пустить вооруженных людей, поставив перед ними женщин, детей и стариков. Джигит не станет метать в них стрелы и попадет в засаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.